
Л. В. СКВОРЦОВ

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ НОВОЙ ФОРМУЛЫ «ЛИЧНОГО БОГА»

Статья посвящена концепции «личного Бога», которая подвергнута критическому рассмотрению как не имеющая существенного значения для религиозного миропонимания и не соответствующая научной картине мира.

Дан ответ на вопрос, каким образом решение этой проблемы связано с утверждением определенной формы духовной власти в современном обществе. В данном контексте раскрыт гуманистический смысл концепции «личного Бога» и представлен краткий анализ философской концепции Демидурга как духовного механизма господства античеловеческих и антидемократических форм власти в наши дни.

Рассмотрены философская реакция на идею богочеловечества и процесс трансформации этой идеи. Проанализированы тенденции рождения новой формулы «личного Бога» и дана их оценка с позиций гипотетического эзотеризма.

Ключевые слова: *личный Бог, духовная власть, Демидург, мироздание, самосохранение, самодеструкция, историческая личность, гипотетический эзотеризм.*

В современном мире знание конечной цели цивилизационной эволюции отталкивается от особенностей отдельных рас, а также тенденций нарастания влияния политических движений определенных общественных классов. В конце XX в. СССР оказался жертвой сепаратного незаконного решения глав трех союзных республик, ставшего толковаться политиками Запада как победа в холодной войне над Советским Союзом, носителем идей коммунизма. Образовавшийся идеологический вакуум заполнялся взрывным распространением неолиберальных идей, с одной стороны, и религиозных настроений – с другой. Первые прокладывали дорогу к новому мировому порядку во главе со страной-гегемоном. Этот путь вел к возрождению опасности новой мировой войны. Вторые способствовали тому, что люди начали все чаще видеть путь своего спасения в реанимации христианской религии.

*Историческая психология и социология истории 1/2020 120–137
DOI: 10.30884/ipsi/2020.01.09*

Но культ Христа не отвечал задачам создания нового миропорядка. Традиционные религиозные верования обещают спасение всех, кто идет путем справедливости и безусловного признания и веры в Иисуса Христа как *личного Бога*, как безусловного хранителя добра и справедливости. Отступление от Бога влечет за собой крушение субъекта если не в этой земной жизни, то тогда, когда человек предстает перед конечным судом. Такое представление отчетливо и убедительно отражено в учении христианства.

Как с этой универсальной позиции выглядит цивилизационная ситуация сегодня? Концептуально она определяется влиянием идеологии *неолиберализма*, утверждающей истину *радикального индивидуализма* и доминирования свободы *рыночной экономики* как конечной цели глобальной цивилизации. Такой «итог» цивилизационной эволюции определил господство американского финансового капитала. Однако цивилизационная концепция, легализующая путь глобальной диктатуры финансовой олигархии в современном мире, не выдержала испытания временем.

Идеализированная неолиберальная картина, написанная Фрэнсисом Фукуямой, разлетелась на куски под воздействием системы санкций и торговых войн, неспровоцированной агрессии против независимых суверенных государств, казней и убийств их законно избранных руководителей, организаций «оранжевых революций» и государственных переворотов. Это совсем другая истина, попирающая свободу народных масс и международное право; это система глобальной диктатуры и неокOLONИАЛЬНЫХ отношений.

Власть подобного рода не могла устоять в случае непризнания народами мира ее *сверхъестественной* силы. Сакрализация власти могла восприниматься массовым сознанием как реальность в том случае, когда ее очевидная сущность совпала со свойствами, которые религиозное сознание придает Богу Отцу. Его ключевым свойством, согласно текстам Священного Писания, является *всемогущество*, способность *совершить невозможное*. Это *способность изменять судьбу народов*, если они отступают от воли Бога.

Пророк Исаия свидетельствует мощь Господа следующим образом: «Засыхает трава, увядает цвет, когда дунет на ночь дуновение Господа: так и народ – трава. Трава засыхает, цвет увядает, а слово Бога нашего пребудет вечно <...> Как пастырь будет пасти Он стадо Свое <...> Все народы перед Ним как ничто; менее ничтожества и пустоты считаются у Него <...> Он обращает князей в ничто, делает чем-то пустым судей земли <...> Разве ты не зна-

ешь? Разве ты не слышал, что вечный Господь Бог, сотворивший концы земли, не утомляется и не изнемогает? Разум Его неисследим» (Ис. 40:7, 8, 11, 17, 23, 28). Именно так пророк описывает сущность могущества Бога.

Человек же, даже если он становится гегемоном, не превращается в Бога. Обретая безграничную власть, он превращается в потенциального носителя зла. Апостол Павел в своем Послании к римлянам утверждал: «Ибо знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе; потому что желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу» (Рим. 7:18). Причину этого апостол определяет следующим образом: «Но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих» (Там же: 7:23). Павел благодарит персонального Бога Иисуса Христа как Господа нашего, благодаря которому он служит умом своим Закону Божию, тогда как плоть требует служить закону греха (см.: Там же: 7:25). Таким образом, в христианстве складывается толкование Бога в его персональной сущности, определяющей его *ключевое качество суждения о делах человеческих с позиций высшей нравственной истины, отделяющей добро от зла*. Зло в человеческих делах действует как закон, противодействующий Закону разума. Соответственно работает и человеческая мысль: «Помышления плотские суть смерть, а помышления духовные – жизнь и мир» (Там же: 8:6).

Основной признак нравственного преобразования человечества, как оно толкуется христианством, состоит в реальном участии индивидуума в таинстве Евхаристии. Это великое таинство означает реальный процесс соединения с первоначальной сущностью Иисуса Христа перед его распятием. Евхаристия, то есть приобщение к телу и крови Христовой, сотворяется только на освященном Антиминсе («вместопрестолнии»)*, на котором изображено положение во гроб Спасителя и снятие его с Креста.

В процессе Евхаристии каждому участвующему в нем *передается через тело и кровь Христа его нравственная персональная*

* Антиминс – четырехугольный плат из шелковой или льняной материи со вшитой в него частицей мощей какого-либо христианского мученика, лежащий в алтаре на престоле; является необходимой принадлежностью для совершения полной литургии.

духовная сущность. Человек как бы становится участником Тайной Вечери, непостижимым образом и логически необъяснимо *трансформируя свою сущность*.

Как можно соотнести встречу преобразованного в духе Иисуса Христа человечества с реальными процессами глобализации, если их сущность и характер сегодня фактически диктуются властью финансового капитала? Совершенно очевидно, что в условиях возрастания влияния духовной власти Христа это в конечном счете повлечет за собой подготовку глобального морального взрыва.

Данная проблема поднималась абстрактно вне ее глобального универсального контекста как проблема отношений между наукой и теологией. Ее поднял в своем докладе на конференции, проходившей 9–11 сентября 1910 г. в Нью-Йорке, Альберт Эйнштейн. Ученый исходил из того, что между наукой и идеей *личного Бога*, какой является идея Христа как Спасителя, существует очевидное противоречие. Он утверждал, что подобная идея несущественна для религии, поскольку является порождением примитивных суеверий, противоречит сама себе и научной картине мира.

Однако очевидно, что такие всемирно-исторические религии, как буддизм и христианство, исходят не из местных предрассудков, а из реалий жизни. В данных религиях идея *личного Бога* имеет фундаментальное значение для их массового влияния. Без учета фактичности бытия Будды и Христа и содержания идей, провозглашаемых ими, оказывается невозможным расшифровать духовный смысл безусловной истины, которая открывается и буддийской, и христианской интуиции, поднимающейся над логикой научного эмпиризма и рационализма.

«Логика авторитета» личностей Будды и Иисуса Христа определяет истину построения внутреннего мира, становящуюся основополагающим мотивом цивилизационного поведения. Это не отрицание существующего материального мира как истина бытия, а построение цивилизационного мира, который не существовал ранее и создается как действительная истина жизни. *Личный Бог* как индивидуальное знание превращается в знание цивилизационное, в сознательную реальность, воплощенную в системах сакральных сооружений и правил семейной и социальной жизни.

Критические представления Альберта Эйнштейна привлекли внимание немецко-американского теолога и философа Пауля Тиллиха (1886–1965). Последний утверждал, что концепция *личного*

Бога делает Бога «существом среди существ, бытием среди прочих видов бытия, пусть высшим, но отнюдь не исключительным и уникальным. Это, безусловно, разрушение, причем не только физики, но и любой осмысленной идеи Бога» (Тиллих 2020: 157). Он считал, что любая, даже самая резкая критика искаженной идеи Бога вполне уместна. Если идея *личного Бога* не имеет никакого отношения к науке или философии как таковым, то, по мнению Тиллиха, следует обратиться к высказыванию Эйнштейна, согласно которому подлинный ученый «смиряет свой ум перед величием разума, воплощенного во всем сущем; разума, который в сокровенных своих глубинах недоступен человеку» (Там же).

Но если этот разум недоступен человеку, то как можно верить в его существование? В данном случае речь идет об отвергании сущности *личного Бога*. Между тем именно смысл *личного Бога* определяет сакрализацию отношения к человечеству как единству этнического и цивилизационного многообразия. Иными словами, речь идет не о спасении какого-либо одного избранного народа, а о спасении всего человечества. Но как быть с величием разума, воплощенного во всем сущем и недоступного человеческому пониманию?

Эту особенность игнорирует философский опыт, свидетельствующий о реальности процесса познания величия разума. Со времен Античности философия выступает как его расшифровка, нашедшая свое финальное разрешение в системе Г. В. Ф. Гегеля. Разумеется, согласиться с реальностью величия разума в контексте безумия разрушительных мировых войн крайне затруднительно. Сохраняется лишь надежда на всеобщее спасение путем апелляции к моральным заветам *личного Бога*. Если Бог утрачивает свое персональное воплощение, он *превращается в символ*.

Символы могут рассматриваться как сверхлические объекты, не требующие рационального обоснования. Исторические события, природные явления, предметы, звуки, сны, слова зачастую дают ощущение присутствия чего-то глубинного, божественного, связанного с высшими силами, «нуминозного», находящего свое символическое выражение. Пауль Тиллих утверждает, что один из таких символов и есть *личный Бог*. Неспособность осознать символический характер *личного Бога*, считает он, влечет за собой искажение теоретических и практических выводов. Но такое суждение не находит своего фактического подтверждения.

Дело в том, что *смысл христианского личного Бога совпадает с универсальным смыслом разума*, предполагающим преодоление этнических ограниченностей религиозной веры. Освобождение смысла *личного Бога* от его человеческого нравственного содержания, превращение его в абстрактный символ приводит к трагическим последствиям в жизни цивилизаций.

Наглядной иллюстрацией этого факта стало формирование жизненных правил в государствах, «освобождающих», как в нацистской Германии, своих граждан от *химеры совести*, превращающих их в белокурых бестий, способных к совершению массовых убийств с использованием новейших достижений науки и техники.

Всеобщее сохранение морального смысла христианского *личного Бога* в современной ситуации глобализации приобретает уникальный цивилизационный смысл. Человечество оказалось перед лицом *глобальных угроз*, спастись от которых можно лишь путем массового нравственного перевоплощения. Между тем на пути такого перевоплощения обнаруживается цивилизационная власть, лишенная нравственного смысла. Это *власть цифры*, означающей размер капитала, который находится в собственности у индивидуума. Размер цифры определяет *достоинство* человека. Такая форма массовой веры может оказывать радикальное аморальное воздействие на поведение граждан.

В свое время Пауль Тиллих сослался на следующее известное высказывание Ф. Шеллинга, гласящее: «Лишь личность может исцелить личность» (Тиллих 2020: 159). Такова причина, по которой личность Бога незаменима для живой религии. Она не является объектом и никогда не должна быть истолкована в качестве объекта. Она есть один из сакральных образов, наряду с другими указывающий на тот факт, что центр личности постигается как проявление недостижимой основы и бездны бытия. Это может толковаться как непознаваемость сущности *личного Бога* как той реальности, жизнь которой на земле образовала реальность священной истории. Недостижимость основы *личного Бога* открывает возможность истолкования священной истории как воображаемой, а не реальной. Тогда реальную историю может творить только реальный Бог, который на самом деле управляет жизнью человечества и ее смыслом. Таковым считается Демиург.

Идея власти Демиурга родилась в эпоху Античности, но ее актуальность не пропадала с течением времени. В условиях современной глобализации сформировалась идея нового мирового по-

рядка во главе с гегемоном – обладателем самой большой финансовой цифры и самого большого военного бюджета. Утверждение нового мирового порядка как глобальной истины сегодняшней жизни нравственно противоречит морали Христа как *личного Бога*, поэтому она подвергается общественному порицанию. В частности, отчетливо обнаружившаяся на Западе тенденция провозглашения сексуальной свободы межличностных отношений и закрепления ее законодательным путем воплощает исходный пункт цивилизационной стратегии вытеснения христианской морали с высокого пьедестала Истины жизни.

Осознание угрозы, исходящей от пути Иисуса Христа как *личного Бога* для идейных столпов, на которые опирается власть финансового капитала, определяющая нынешний глобальный экономический порядок, порождает глубинный поиск концептуальных оснований его оправдания и сохранения. Такое оправдание представляется возможным, если *определить пути дегуманизации Бога*, дать бесчеловечный ответ на вопрос «что такое Бог?». Ответ представляется необходимым исходя из исторического опыта. Имеется в виду опыт имперского Рима, отмеченный жестоким преследованием христиан, не обладавших сколько-нибудь значительной военной и экономической силой. Между тем Рим в схватке с христианством был вынужден отступить.

Учение Иисуса Христа, преданного по решению Понтия Пилата распятию, восторжествовало не только в Риме, но стало приобретать экуменический характер. Что могло быть реальным концептуальным противовесом влиянию *личного Бога*, несущего в себе идею человечности как основания истины *справедливости, равенства перед Богом, независимо от социального статуса верующих?* Социальная иерархия утрачивает свою власть перед *универсальным критерием морали*. Тем самым раскрывается *глубинный цивилизационный смысл*, определяющий *истину человеческих отношений*. Последняя должна строиться на идее взаимного добра как основания общего блага. По логике истины человеческих отношений ее гарантом должен быть Бог.

Между тем постоянной реальностью человеческих отношений является *зло*. Управление жизнью требовало умения управлять злом. Объяснение истока зла давала *дуалистическая теория*, утверждающая, что материя есть источник зла, в силу чего верховный Бог не может иметь контакта с материей. Объяснение, легализация и оправдание таких феноменов общественной жизни, как

рабство и истребление народов, потребовало использования возможностей философской культуры для концептуальной «загрузки» мира человека греховным смыслом. Речь шла о принципиальном соединении несоединимого. Идеальное совершенство Бога логически не допускало размещения в его сущности источников зла.

Вместе с тем объяснение реального мира, в котором действует зло, невозможно без определения воли Бога в формировании действительных процессов земного бытия. Для разрешения этой фундаментальной проблемы необходима парадоксальная философская идея, постулирующая всеилие Бога и в то же время освобождающая его исходную сущность от истока греха, каким выступает зло. Чтобы освободить первого Бога от возможности рождения греха, необходимо признать существование *второго Бога*, то есть Демиурга.

Фактически человеческим миром правит Демиург, позволяющий освободить первого Бога от бремени дуализма добра и зла. Доктрина Демиурга обретает самодостаточность, объясняющую своеобразие и внутреннюю противоречивость эволюции человека. Она провозглашает две противоположные реальности – Бога и материю, *монаду* и *диаду*. Пифагорейцы склонялись к монизму, представляя дело таким образом, что происходит эманация *диад* из *монад*. Однако необходимость во втором Боге доминирует. Второй Бог – это Демиург, имеющий двойственную природу – *animamundi*. Двойственной душе Демиурга соответствуют две души мира, где одна – носитель добра и другая – носитель зла, и две души человека – рациональная и иррациональная. Избежать этого дуализма можно лишь путем исхода из тюрьмы тела (см.: The Encyclopedia... 1972: 530–531).

В Откровении Иоанна Богослова фиксируется борьба Дракона против жены, родившей ребенка, которому надлежало сохранять заповеди Божии и иметь свидетельство от Иисуса Христа, то есть сохранять верность *личному Богу*. В противовес *личному Богу* Иоанн описывает образ *зверя*, говорящего и действующего «так, чтобы убиваем был всякий, кто не будет поклоняться образу зверя. И он делает то, что всем, малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам, положено будет начертание на правую руку или на чело их» (Ои. 13:15–16). То есть каждый человек будет отмечен знаком или определенной цифрой, так что вся общественная жизнь будет управляться знаковым способом, да и сам зверь будет обозначен определенной цифрой – 666.

Образ зверя в Откровении есть специфическая форма субъекта *безусловной власти над человечеством*: это сочетание рассудочной матрицы управления людьми с реальностью статуса их материальных интересов. Зверь здесь – это стоящая над отдельными конкретными индивидуумами поработавшая их власть. От этой власти зависит все, в том числе и те конкретные личности, из которых складывается реальная структура осуществления этой власти.

Один из самых универсальных исторических парадоксов заключается в том, что матрица власти Демиурга приобрела внешнюю христианскую форму, позволяющую маскировать под христианство реальную власть Демиурга, которая поработавает человека. Признание власти Демиурга содержится в посланиях Апостолов. Например, апостол Павел пишет: «Итак, прежде всего прошу совершать молитвы, прошения, моления, благодарения за всех человеков. За царей и за всех начальствующих, дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте. Ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу» (1Т. 2:1–3). Но у Спасителя мы не встречаем таких молений и прошений. В послании же к римлянам читаем: «Посему противящийся власти противится Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение. Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, и получишь похвалу от нее. Ибо *начальник* есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое» (Рим. 13:2–4).

Светская власть следует логике управления, соединяющей интерес господства над материальными процессами жизни с рассудочно обоснованной иерархией, в которой характер поведения реальных людей обусловлен установленным для них социальным статусом. Если такая иерархия благословляется церковью, то она превращается в составную часть общей матрицы цивилизационного управления. При этом церковь теряет свою автономию.

Структура матрицы может исторически видоизменяться, но ее сущность сохраняется, поскольку считается выражением *вечной цивилизационной истины, санкционированной высшим духовным смыслом*. Очевидно, что принятие в качестве такой истины той или иной формы цивилизационной эволюции заключало в себе корен-

ное противоречие. Это противоречие проявилось уже в известном диалоге Иисуса Христа с Понтием Пилатом, олицетворявшим сущность власти Демиурга, и закончилось распятием Спасителя.

Евхаристия как определяющая церковная служба демонстрирует слияние прихожан с сущностью Иисуса Христа, а значит, и глубинное внутреннее отвержение власти Демиурга. Это скрытое духовное противоречие сохранялось вплоть до XX в., века начала самодеструкции концептуального господства Демиурга.

Внутренняя логика Демиурга превращает каждого в составную часть своей власти, в *средство* ее сохранения и укрепления. В отличие от этого, Евхаристия *приобщает человека* к нравственному смыслу пути Христа, наделяет отдельную личность самоценностью и самосознанием, обуславливающими путь ее жизни в контексте Божественных смыслов. В церемониях христианской церкви такое обретенное самосознание приобщало паству к судьбе Спасителя, носителя общечеловеческого добра. В рамках господства Демиурга человек получал иной статус – статус раба, крепостного, слуги господина, который, в свою очередь, обретал статус служителя власти зла.

Идея сакральности персональной свободы как истины человеческого бытия вызревала веками и в конечном счете получила свое философское оформление, оказав воздействие на характер цивилизационной матрицы Демиурга. Это проявилось в отмене рабства и крепостничества, в принятии всеобщего избирательного права и признании прав женщин. Социальные изменения отразили глубинные сдвиги в самосознании народов. Эти сдвиги получили выражение не только в вызревании революционных ситуаций, но и в попытках найти дорогу к переформатизации христианского вероучения. Философским лозунгом эпохи стала крылатая фраза Ф. Ницше «Бог умер». Этот тезис интеллектуально легитимировал отношение к Христу как к человеку, а значит, создал предпосылки для восприятия других людей как возможных носителей божественной сущности и повлек за собой глубокие духовные перемены в общественном мнении.

В России этот процесс положил начало кризису самодержавия. Самодержец в массовом сознании переставал быть помазанником Божиим. Одновременно начались духовные поиски переосмысления сущности Иисуса Христа. Если Бог может восприниматься как человек, то и человек в состоянии превратиться в бога для себя самого. А значит, народ может управляться с помощью идеологии

богочеловечества, посредством которой можно контролировать его поведение. Но данная идея несла в себе катастрофическую угрозу существующему общественному и государственному порядку, что остро почувствовал русский философ Владимир Соловьев. По Соловьеву, человек есть становящееся абсолютное, перестающее быть простым средством укрепления власти Демиурга. Но чем это становящееся становится в конечном результате – большой вопрос. «Собственное существование, – пишет Соловьев, – принадлежит двум неразрывно между собою связанным и друг друга обуславливающим абсолютным: абсолютному *сущему* (Богу) и абсолютному становящемуся (человеку), и полная истина может быть выражена словом “Богочеловечество”» (Соловьев 1990: 715–716). Преодоление непроницаемости абсолютной сущности человека возможно лишь под влиянием *мировой души*, которая находит свое действительное осуществление как в человеке, так и в Боге. «В своем чисто человеческом идеальном начале (которое для себя выражается как разум) мировая душа получает безусловную самостоятельность – свободу, с одной стороны, по отношению к Богу, а с другой стороны, по отношению к собственному природному, материальному началу», – подчеркивает русский философ (Там же).

Идея богочеловечества Соловьева в процессе исторической эволюции XX в. обрела свои специфические формы, имеющие характерный атеистический смысл. Она логически влечет за собой признание *нового качества межличностных отношений*, которые требуют своего оформления как *феномена новой эпохи для материализации в новой духовной жизни*. Например, Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус еще в 1901 г. создали секту вероучения грядущей Вселенской церкви. В ряду подобных протофеноменов эпохи Серебряного века значатся «Башня» Вяч. Иванова, волошинский Дом поэта в Коктебеле, кружок Сергея Дягилева, а также некоторые издательства, журналы и другие объединения, по-разному истолковывавшие становящуюся абсолютность человека.

Если в идее богочеловечества В. С. Соловьева увидеть истину общечеловеческого смысла, то следует признать абсолютное сущностное человеческое равенство помещика и крестьянина, пролетария и капиталиста, офицера и солдата. *Дух божественного равенства и свободы и породил действительность трех русских революций, а также последующей гражданской войны*. Шутки с идеей богочеловечества оказались плохи. Иисус Христос очутился впереди революционных матросов, утверждавших новую сакральную

истину жизни, в которой свобода порождает равенство (см.: Скворцов 2018: 253). Воцарение этой истины послужило триумфом победы революции и трагедией сопровождавших его человеческих жертв.

Становящаяся абсолютность человека с его новой софийностью, обеспечивающей независимость от абсолютной сущности Бога, в реальной жизни оказалась совсем иной, не такой, как ее представляли в своих мечтах гении Серебряного века. Народная масса не пошла за их высокоинтеллектуальными художественными открытиями. Она двинулась за реализацией своих материальных интересов, что было воспринято адептами идеи богочеловечества как катастрофа.

В действительности идея богочеловечества претерпела свои трансформации в двух основных направлениях. Во-первых, она превратилась в идею диктатуры трудового народа, идею братского союза пролетариев, трудовых масс всего мира, идею глобальной власти интернационала, ознаменовавшую новую эпоху мирового развития. Во-вторых, определилось формирование ее антагонистического противовеса, несущего в себе различные вариации западного толкования *своей абсолютности*, дающей Западу право быть *глобальным гегемоном*.

Наиболее очевидным свидетельством западной абсолютности считалось лежащее на поверхности расовое превосходство, утверждающее себя с помощью концепции сверхчеловека. С точки зрения видимой перспективы, высшая раса призвана убрать со своего триумфального пути всех конкурентов и «неполноценные» народы, превращая их в своих рабов, в средство утверждения гегемонии высшей расы. Это была форма реставрации идеи Демиурга. На такой теоретической почве произросла псевдотеологическая *идея нации*. Нация укореняется в самосознании людей, замещая их представления о сакральности и всеилии Бога. Нация – это духовная сущность, объект поклонения, критерий истины бытия, цель, ради которой человек должен быть готов на любые жертвы, любые преступления и любые суждения, если они укрепляют *всемогущество нации*.

Нация – понятие, наполненное глубоким духовным содержанием, не тождественным совокупности мужчин и женщин, детей и стариков, соединенных общностью этнического происхождения и истории. В таком сакральном смысле она становится реальностью властного господства над историческими формами существо-

вания людей, их семейными и государственными традициями. Нацию питает духовная корневая система, дающая новые всходы при возникновении благоприятных условий. Нация превращается в идейное средство вытеснения из самосознания индивидуума моральных принципов христианского смысла. Человек становится «другим», не христианским по своему образу мышления и практического поведения.

Обществу пришлось решать проблему наций с ее глубоким цивилизационным смыслом, отчетливо обнажившимся в антагонизме токования сущности человека в годы Великой Отечественной войны, когда в смертельной схватке столкнулись два типа личности: нацист и коммунист. Сегодня мы встречаем разные их характеристики и оценки. Борьба вермахта и Красной армии отразила противостояние фундаментальных принципов, определивших характер цивилизационной эволюции XX в.

Начиная с 1950-х гг. определилась тенденция деструкции глобальной власти Демиурга, проявившаяся в *начавшемся распаде системы колониализма*. Обрела форму и внутреннее содержание идея общности духовной сущности народов в их противостоянии матрице Демиурга. Идея *личного Бога* по своему содержательному смыслу получила форму доминанты высших моральных принципов, диктовавших необходимость бескомпромиссной общей борьбы за освобождение человечества, за утверждение новых принципов жизни, в которой свободная самореализация личности порождает гармонию человеческих отношений.

Матрица Демиурга получает соответствующую времени расшифровку, включающую в себя понятие *исключительности*, основанной на финансовом и военном преимуществе. Она обретает светскую форму гегемона, *обещающего привести весь мир в сияющее царство Свободы*. Гегемон – это самодержавная демократия, соединяющая глобальную диктатуру с внешним либеральным флером. Механизмы неспровоцированной агрессии, санкции, организация государственных переворотов – все это средства подавления несогласных с постулированием «легальности» воли Гегемона, играющего роль концептуального противовеса восстановлению в массовом глобальном сознании действительного смысла формулы христианского *личного Бога*.

С этим связана смысловая деструкция формулы Бога Отца. Если удастся представить процесс творения как происходящего из ничто ко всему реально существующему, тогда вся жизнь мирозда-

ния будет представляться как количественный процесс, доступный для его цифрового изображения: от нуля до бесконечности. Деструкция веры в реальность Бога Отца как творца всего сущего была осуществлена астрофизикой. С точки зрения матрицы цифрового ряда Бог Отец оказывается излишним понятием. А это значит, что матрице мироздания соответствует действующая система функционирования финансового капитала. Выпадение Бога Отца из цифровизированной системы бытия свидетельствует о распаде единства структуры христианской веры. В матрице цифрового ряда кроется источник бесконечного господства силы, которая, по мнению ученых-астрофизиков, имеет космическое происхождение. Возникает вопрос: может ли нынешний цивилизационный порядок быть приведен в соответствие с астрофизическим толкованием происхождения мироздания?

Толкование истины Бытия на основе представления о происхождении Вселенной и ее современном состоянии определяется концепцией астрофизики, претендующей на то, чтобы стать космическим мировоззрением, которое учит видеть Вселенную так, как она есть, и не считать ее уютной колыбелью возникновения и сохранения жизни. Она «заставляет нас пересмотреть свои представления о ценности человеческих существ друг для друга» (Тайсон 2019: 233). Если Вселенная – холодное, пустое и опасное место, как утверждает астрофизика, то человеку предстоит открыть свое «атомное родство со Вселенной как таковой» (Там же: 234). Это значит, что исходной реальностью, из которой возникает человек с его поиском истины Самосознания, является *космическая пыль*.

Но стоит обратиться к космической пыли как к исходной точке рождения человека, как мы вынуждены будем признать, что в пыли невозможно обнаружить даже малейшие признаки того исходного высшего смысла, который ищет человек, чтобы оправдать свое появление на свет и логику своих действий на нем. Впрочем, астрофизики предлагают не пугаться космического мировоззрения и просто принять его. Возможно, мы пока еще не знаем действительной сущности того, что называем космической пылью. А астрофизик в данном случае выступает в роли самозванца, обнаруживающего свою философскую некомпетентность.

Его ждет неожиданная встреча с нематериальной реальностью, играющей между тем ключевую роль в цивилизационной эволюции. В случае сведения сущности Вселенной к реальности космической пыли возникает вопрос: как эта пыль может родить из се-

бя реальность идеального? Астрофизик на этот вопрос ответить не в состоянии. Но его молчание разрушает всю концепцию мироздания, якобы из космической пыли. Иными словами, современная астрофизика не может дать ответ на принципиальный вопрос: каким образом апостол Павел *сораспялся Христу* и в нем живет Христос – ведь это реальность идеальной трансформации, которой космическая пыль не подвержена.

Свойства космической пыли в ее модификациях влияют на телесные составляющие индивидуума независимо от его сознания. Но он подвержен еще и свободному выбору смыслов не только своего ситуационного поведения здесь и сейчас, но и выбору смысла всей своей жизни. Когда, например, апостол Павел сораспялся Иисусу Христу, возникший образ мысли и нравственный выбор стали образовывать внутреннюю сущность апостола. *При этом он умер для закона. Это – специфическая духовная смерть, вызываемая смыслом, но отнюдь не действием космической пыли. Действие смыслов определяет характер культурных революций: смыслы исторически подвергаются сакрализации, в которой нет никакой космической пыли.*

Иисус Христос как *личный Бог* исторически стал носителем истины цивилизационных смыслов, получивших массовый характер. Альберт Эйнштейн, исходя из логики естественно-научного мышления, не смог увидеть *предмета смысла личного Бога как реальности*. Религиозное изменение самосознания людей не явилось для него объективным показателем существования этой реальности Бога, никак не проявившего свойств обычных предметов, изучение которых служит подтверждением адекватности научного знания об их природе. Особенности и свойства *личного Бога* воспринимались поэтому великим физиком как *произвол мысли, не содержащий Истины*.

Формула *личного Бога* как не содержащая объективной Истины представлялась несущественной для религии, которая гносеологически основывалась на признании идеальной реальности, управляющей мирозданием, но не индивидуальности конкретного реального человека. Вера в сверхъестественную силу личности могла восприниматься Эйнштейном как порождение фантазий и примитивных предрассудков. При этом им не рассматривались произошедшие сдвиги не только в массовом поведении, но и в архитектуре, музыкальном искусстве; в возникновении новых типов образа жизни

и поведения в виде монастырей и религиозных орденов, да и в возникновении самого феномена духовной власти, с которой были вынуждены считаться светские правители.

Формула *личного Бога* фиксирует власть духовной реальности, воздействующей специфическими средствами на мир человечества. Личность, признающая не только для себя истину собственных духовных открытий, сама превращается в реальность, содержащую универсальные смыслы. Формула *личного Бога* находится над простыми предрассудками, вытесняя их из сферы глобальной жизни. Образ *личного Бога* несет в себе идею *самосохранения как спасения человечества* путем соединения несоединимого: конечного материалистического научного знания и бесконечного духовного религиозного. Постигание этой истины открывает свой великий смысл со всей очевидностью в современную эпоху, эпоху водородной бомбы и космической ракеты. Возможно ли такое органическое соединение в реальной исторической личности, или оно невозможно и человечество обречено на самодеструкцию?

На ранних стадиях развития человеческой цивилизации игнорируется безальтернативность подобного соединения, что порождает катастрофические следствия. Формируя цивилизационные отношения, человек ожидает в доме цивилизации справедливости правосудия, а получается нечто совсем иное: «Но вот – кровопролитие, *ждал* правды, и вот – вопль. Горе вам, прибавляющие дом к дому, присоединяющие поле к полю, так что *другим* не останется места, как будто вы одни поселены на земле» (Ис. 5:7–8). Это – следствие богатства, вытесняющего справедливость и мораль. Сочетание несоединимого есть спасение человечества от самодеструкции. Но как высшие принципы универсальной морали могут сочетаться с абсолютным аморализмом? Реальность исторического процесса и рождение цивилизационных противоречий свидетельствуют о надвигающейся безальтернативности такого сочетания.

Проблема заключается в толковании сущности человечества. Если оно неоднородно и содержит в себе особые, взаимоисключающие по своим качествам части, тогда должна ли историческая личность превращать себя в *личного Бога*, чтобы привести такие качества к парадоксальному сочетанию? Это – главная когнитологическая проблема. Историческая личность – раба миссии, определяющей судьбу страны и народа. Исполнение этой миссии воспри-

нимается массовым сознанием как чудесное спасение от порабощения и гибели. Когнитология, будучи знанием о знании как о человеческом феномене, дает расшифровку данного явления как суда народа над самим собой. При этом его духовная свобода рассматривается через призму действия совести, представляющей истину самосознания продуктом реализации справедливости.

Именно в справедливости содержится редкая и драгоценная реальность абсолютного. Цивилизационный субъект, используя интуицию, то есть непосредственное знание, открывает для себя эту реальность как подлинность той истины, в которой он находит самого себя при соприкосновении с ценностью абсолютного смысла. Поскольку результаты такого соприкосновения не могут быть представлены открыто эмпирически доказываемыми и, стало быть, универсально значимыми, то их можно охарактеризовать как гипотетические. Переживание абсолютного есть внутренний, закрытый процесс, который носит эзотерический характер. Следовательно, здесь мы имеем дело с восприятием абсолютного смысла посредством гипотетического эзотеризма.

Сущность абсолютного смысла открывается индивидууму как критерий целостности его земного бытия: он либо открывает целостность смысла своей жизни, либо обнаруживает отсутствие такой целостности. Реальность смысловой зависимости человека есть свидетельство абсолютности, чья сущность, будучи связанной с глубинной человеческой сущностью, сохраняет свою таинственность. Эта таинственность определяется тем, что в реальности осуществления судьбы, вопреки воле человека, происходит самосоединение противоположностей частного и общего в единое целое.

Сегодня абсолютное может не существовать для исторической личности как персонифицированная реальность. «Абсолютность проявляет свою реальность в жизненных ситуациях как готовность принести в жертву абсолютность своего единственного бытия ради чего-то иного. Сталкиваясь с абсолютностью, заключенной в ином, индивид испытывает потрясение, обретая способность к восприятию внеперсональной истины» (Скворцов 2000: 42). Такое восприятие изменяет внутренний мир человека, превращая его индивидуальное «лицо» в «лицо» исторической личности.

Личность, постигающая внеперсональную истину, становится исходным центром смысла бытия, который нейтрализует хаос, воз-

никающий из-за действий неуправляемой массы индивидуальных свобод. Господство в общественной жизни произвола неограниченных индивидуальных свобод приводит к разрушению государства и его самораспаду.

Литература

Скворцов, Л. В.

2000. *Гипотетический эзотеризм и гуманитарное самосознание*. М.: ИНИОН РАН.

2018. *Цивилизационные опасности: философская интерпретация*. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив.

Соловьев, В. С. 1990. *Соч.*: в 2 т. Т. 1. Мысль.

Тайсон, Н. Д. 2019. *Астрофизика с космической скоростью и великие тайны Вселенной для тех, кому некогда*. М.: АСТ.

Тиллих, П. 2020. Наука и теология: дискуссия с Эйнштейном. В: Чернявский, А., *Кризис традиционного богословия и поиски выхода*. М.; СПб.: ИНИОН РАН; Центр гуманитарных инициатив.

The Encyclopedia of Philosophy. 1972. Vol. 5–6. New York; London.